

Бердяев
Возможна ли
соц.
РЕВОЛЮЦИЯ?

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ЕА80

Б 462

ЕА 80
Б 462

**МОСКОВСКАЯ
ПРОСВѢТИТЕЛЬНАЯ
КОМИССІЯ**

НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВЪ. II

**ВОЗМОЖНА ЛИ
СОЦІАЛЬНАЯ
РЕВОЛЮЦІЯ?**

Цѣна 30 коп.

**ПРИ ВРЕМЕННОМЪ КОМИТЕТѢ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ.**

И
ИМЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

Библиотека

EA80.P
B462.P

~~CO~~
~~38103~~
~~700~~
~~27~~
181668
181668

I.

Вопросъ о томъ, возможна ли социальная революція, сейчасъ беспокоить и волнуетъ русское народное сознание, онъ брошенъ въ широкія массы рабочихъ и крестьянъ и вызываетъ раздоры и раздѣленія. Въ Россіи произошелъ великій революціонный переворотъ, онъ все привелъ въ движеніе и раскрылъ для трудящихся массъ русскаго народа широкій и свободный путь къ новой жизни. Тѣ, которые еще совсѣмъ недавно были въ полномъ почти порабоженіи, нынѣ призываются къ народовластію и къ опредѣленію судьбы русскаго государства. Переходъ въ нѣсколько дней отъ деспотической монархіи, которая и послѣ 17 октября 1905 г. оставалась самодержавной по существу, къ демократической республикѣ есть, конечно, очень радикальная политическая революція. Эта революція уже совершилась и поставила всю дальнѣйшую исторію Россіи въ зависимость отъ Учредительнаго Собранія, созваннаго на основаніи всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права, т.-е. отъ чистаго народовластія, отъ чистой демократіи. Этимъ раскрываются для русскаго народа всѣ возможности, на пути его не поставлено никакихъ преградъ. Не социальная борьба классовъ привела у насъ къ политическому перевороту, а непримиримое столкновение старой власти со всѣми классами общества, со всѣмъ русскимъ народомъ, всей націей. Старая власть измѣнила Россіи, она сгнила и должна была пасть. Но общенациональный политическій переворотъ вызвалъ наружу всѣ социальныя противорѣчія, онъ обнаружилъ всѣ застарѣлыя социальныя болѣзни. Съ большимъ запозданіемъ совершилось политическое освобожденіе Россіи. Передъ нами стоитъ опытъ западно-европейской исторіи XIX вѣка, который показалъ, что чисто политическое освобожденіе не освобождаетъ еще реально трудящагося народа, что даже въ политическихъ демократіяхъ онъ можетъ оставаться въ матеріальномъ угнетеніи, что политическія революціи не уменьшаютъ сами по себѣ пропасти между богатыми и бѣдными. Въ Россіи, въ нынѣшней, поздней часъ исторіи,

не может уже быть того увлеченія чисто либеральными идеями, которое было на Западѣ. Такъ называемый «буржуазный либерализмъ», никогда не былъ популяренъ въ Россіи, къ нему всегда относились подозрительно. Слово либерализмъ происходитъ отъ слова свобода и самъ по себѣ либерализмъ, освобождающій личность и обезпечивающій ея права, не можетъ быть «буржуазнымъ». Въ свободѣ и правѣ ничего нѣтъ «буржуазнаго» и онѣ всегда представляютъ великія блага. «Буржуазнымъ» же было такое перенесеніе либерализма въ экономическую область, при которомъ вся хозяйственная жизнь отдавалась во власть свободной конкуренціи, а государство и организованное общество совсѣмъ въ нее не вмѣшивалось. Но можетъ быть и либеральный социализмъ, т.-е. основанный на свободѣ и правѣ. Русская революція не выдвинула никакихъ новыхъ оригинальныхъ идей. Но въ ней несомнѣнно начали преобладать идеи социалистическія надъ идеями либеральными, не только въ плохомъ, но и въ хорошемъ смыслѣ слова, въ ней сразу же почувствовалась недостаточность освобожденія политическаго и необходимость освобожденія социальнаго.

Рабочій классъ большихъ городовъ всегда играетъ значительную роль въ революціонныхъ переворотахъ, онъ выходитъ на улицу и въ происходящей борьбѣ склоняетъ чашу вѣсовъ на сторону революціи. Въ дни революціи и, въ первые мѣсяцы послѣ нея рабочій классъ играетъ большую политическую роль, чѣмъ это соотвѣтствуетъ его социальному значенію въ томъ огромномъ и таинственномъ организмѣ, который именуется Россіей. Еще большую политическую роль играетъ у насъ крестьянство, одѣтое въ солдатскія шинели, и роль крестьянства будетъ возрастать, такъ какъ оно составляетъ большую часть русскаго народа. Но это значеніе и сила рабочихъ и крестьянъ-солдатъ не соотвѣтствуетъ ихъ организованности, ихъ сознательности, ихъ общественному опыту и общественнымъ познаніямъ, которыя очень незначительны. Трудно въ нѣсколько недѣль и даже въ нѣсколько мѣсяцевъ, такъ организовать, пріобрѣсти такой опытъ, сознаніе и знаніе, чтобы получить преобладающее положительное значеніе въ огромномъ социальномъ организмѣ русскаго государства. Значеніе людей и цѣлыхъ классовъ для строительства жизни опредѣляется не только количествами, но и качествами. Если разрушительную роль можетъ сыграть всякая масса, на какомъ бы низкомъ уровнѣ просвѣщенія она ни стояла, то роль созидающую, положительную, творческую можетъ сыграть лишь та масса, которая будетъ стоять на болѣе

высокомъ уровнѣ культуры. Нельзя рѣшать социальныя вопросы, совсѣмъ ничего о нихъ не зная, не имѣя никакой подготовки и опыта. Недостаточно имѣть опредѣленные интересы, извѣстныя чувства и настроенія. И еще нужно сказать, что мы не знаемъ голоса всего русскаго народа,— этого огромнаго и таинственнаго цѣлаго,—о социальномъ устройствѣ Россіи, о рѣшеніи вопроса аграрнаго и рабочаго. Голосъ совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ не можетъ быть признанъ голосомъ всего русскаго народа. Это все еще голосъ части, голосъ частный. Лишь Учредительное Собраніе полномочно рѣшать социальныя вопросы въ Россіи. И прежде всего нужно признать, что вопросы эти очень трудныя и сложныя и рѣшеніе ихъ требуетъ большой подготовки. Въ социальной жизни ничего нельзя сдѣлать насильственнымъ путемъ въ короткій промежутокъ времени. Можно многое разрушить такимъ путемъ, но ничего нельзя создать. Это вопросъ не политической власти, которая въ одинъ день можетъ быть замѣнена другой. Всякое развитіе въ социальномъ строѣ человѣческихъ обществъ есть длительный и медленный процессъ. Это измѣненіе въ клѣткахъ, въ первоначальной ткани общества, въ отношеніи человѣка къ природѣ и человѣка къ человѣку. И вотъ это измѣненіе въ ткани общества, въ отношеніи человѣка къ природѣ и человѣка къ человѣку, измѣненіе экономическое и психическое, не можетъ быть внезапнымъ, не можетъ быть столь видимымъ на короткомъ промежуткѣ времени, какъ сверженіе политической власти. А это и значить, что можетъ быть лишь социальная эволюція, но не можетъ быть и никогда не бываетъ социальной революціи.

II.

Революціи никогда не бываютъ разумны. Онѣ потому и происходятъ, что во всемъ предшествующемъ ходѣ событій было отпаденіе отъ разума, было не только неразумное, но и безумное сопротивленіе всякому развитію, всякому улучшенію, всякимъ реформамъ. Странно было бы ожидать и требовать отъ революціи разумности. Революція можетъ быть великимъ событіемъ въ жизни народа, въ ней сгораетъ старое зло и раскрывается путь къ новой жизни. Но время революціи никогда не бываетъ легкимъ, въ немъ не наступаетъ счастье для народа, время это всегда есть испытаніе для народа, въ немъ много безумія. Никогда революція не приноситъ того, чего отъ нея ждутъ, она всегда разочаровываетъ. Этому научила насъ великая французская

революція: отъ нея ждали рая на землѣ, но въ ней оказалось слишкомъ много напоминающаго адъ и привела она къ результатамъ незначительнымъ по сравненію съ ожиданіями. Послѣ великой французской революціи была не одна реакція, а нѣсколько, и лишь черезъ 80 лѣтъ установилась демократическая республика. Такъ и всегда бывало въ исторіи. И въ русской революціи слишкомъ многое повторяется, не все такъ ново и оригинально, какъ можетъ показаться людямъ незнающимъ исторіи или забывшимъ; ее. Не въ первый разъ въ исторіи хотятъ превратить политическую революцію въ социальную, въ радикальное измѣненіе социально-экономическаго строя общества и соотношенія классовъ. Такое стремленіе бывало почти во всѣхъ большихъ революціяхъ. При всѣхъ революціонныхъ переворотахъ, хотя бы они были самыми «буржуазными» по историческому моменту и по соотношенію историческихъ силъ, трудящійся народъ ждетъ своего окончательнаго освобожденія. Всегда рождались мечты и утопіи, которыя потомъ беспощадно разбивались жизнью. Зло въ этомъ мірѣ всегда оказывается сильнѣе добра и это зло обнаруживается, какъ у тѣхъ, которые стремятся къ социальному раю, такъ и у тѣхъ, которые имъ противодѣйствуютъ. Опытъ превращенія политической революціи въ революцію социальную былъ уже сдѣланъ во Франціи въ 48 году и привелъ къ воцаренію Наполеона III на долгое время. Часъ социальной революціи не пробилъ еще тогда, не пробилъ онъ и позже, въ 71 году. Въ 71 году послѣ катастрофы франко-прусской войны, когда Франція была уничтожена и разбита, въ Парижѣ была введена коммуна, въ которой была осуществлена диктатура меньшинства парижскихъ рабочихъ надъ большинствомъ французскаго народа. Опытъ этотъ окончился очень печально. Коммуна утонула въ крови. Соціалистическое движеніе было отброшено назадъ. Установившаяся послѣ этого республика была рѣзко буржуазной. Никакихъ реальныхъ завоеваній для рабочихъ этотъ опытъ не далъ. И въ прежнія времена бывали такія попытки; разгоряченныя мечты о социальномъ раѣ не разъ владѣли народными массами. И всегда, всегда это кончалось тѣмъ, что отъ насильственнаго водворенія социального рая народъ получалъ не больше, а меньше,—онъ отбрасывался назадъ. Опыты насильственной «социальной революціи» никогда не давали и никогда не дадутъ хлѣба изголодавшемуся народу, они вносятъ дезорганизацію въ хозяйственную жизнь, въ источники питанія, и уменьшаютъ количество хлѣба. Эти опыты никогда не ведутъ къ братству людей, они вносятъ

раздѣленіе, злобу и ненависть. Хлѣбъ даетъ социальная организація, увеличеніе производительности труда, социальныя реформы. Къ братству же ведетъ нравственное и духовное возрожденіе людей, измѣненіе самого человѣка. Если сердце человѣка полно злобы и ненависти, если руководить человѣкомъ одна корысть, то братства быть не можетъ. Въ эпоху реформаціи въ Германіи, во время крестьянскихъ войнъ, были попытки насильственными революціонными путями водворить царство социальной справедливости, царство Божьей правды на землѣ. Іоаннъ Лейденскій создалъ принудительное братство, царство Сіона. Лютеръ чувствовалъ что все это движеніе ложное, что оно не приведетъ къ добру, и противился ему, хотя и не совсѣмъ хорошими способами. вмѣсто братства, вмѣсто царства Божьяго на землѣ, наступали ужасы, взаимное истребленіе, ненависть и кровь. Соціалистъ Лассаль даже признавалъ крестьянскія войны, съ ихъ социальными требованіями, не соотвѣтствующими реальному соотношенію силъ и историческимъ задачамъ того времени, скорѣе реакціонными, чѣмъ прогрессивными. Братство, царство Божье на землѣ не можетъ быть добыто революціоннымъ переворотомъ. Царство Божье приходитъ непримѣтно. Это остается вѣчной истиной.

III.

И вотъ еще разъ въ исторіи, въ атмосферѣ революціоннаго опьяненія, когда все расковалось, запоздалую политическую революцію хотятъ превратить въ революцію социальную, въ социалистическую революцію, хотятъ сразу, мгновенно перескочить черезъ длинный рядъ ступеней, пройденныхъ народами Западной Европы и осуществить самыя крайнія социальныя цѣли, осуществить царство окончательной социальной справедливости и правды. Русская революція хочетъ сдѣлаться всемірной революціей, обновить весь міръ, она надѣется увлечь за собою всѣ народы Запада въ огонь социальной революціи, въ которомъ сгоритъ старый міръ и создастся міръ новый. И русскіе социал-демократы впадаютъ въ противорѣчіе, которое не можетъ не броситься въ глаза. Они все время говорятъ, что русская революція буржуазная, а не пролетарская, и хотятъ, чтобы въ этой буржуазной революціи пролетаріатъ игралъ главную роль и осуществилъ свои социальныя требованія. Не впервые является въ исторіи такое требованіе и оно человѣчески понятно. Тѣмъ, кому тяжело живется, такъ естественно мечтать о скорѣйшемъ достиженіи лучшей, болѣе

счастливой жизни. Никто не станет винить рабочих за то, что они слишком далеко заходят въ своихъ пожеланіяхъ, мечтахъ и ожиданіяхъ. Но виноваты тѣ интеллигенты-соціалисты, которые выбрасываютъ крайніе соціальныя лозунги, въ осуществленіе которыхъ они сами не вѣрятъ, и дѣлаютъ это для того, чтобы привлечь на свою сторону массу. Тѣ соціалисты, которые держатся ученія Маркса, забываютъ основы марксизма. Марксъ училъ, что буржуазіи принадлежитъ прогрессивная и революціонная роль въ исторіи, пока она способствуетъ производительному процессу, пока она еще въ расцвѣтѣ; онъ училъ, что социализмъ возможенъ лишь при высокомъ развитіи производительныхъ силъ страны, что социализмъ оправдывается лишь тогда, если онъ увеличиваетъ производительность труда, что социализмъ можетъ осуществиться лишь послѣ длительного процесса соціального развитія и соціальной организациі. Социализмъ невозможенъ въ странѣ промышленно отсталой, при неорганизованности, недостаточной сознательности и недостаточной просвѣщенности рабочаго класса. Это прекрасно знаютъ наши соціаль-демократы. Ни состояніе русской промышленности, ни состояніе рабочаго класса, не пережившаго никакой организованной исторіи, не даетъ марксистамъ никакихъ основаній ожидать скорого осуществленія социализма. Въ чудеса же и въ мгновенное духовное перерожденіе человѣчества соціаль-демократы не вѣрятъ. Что касается нашихъ соціалистовъ-народниковъ, то они слишкомъ много берутъ на себя, утверждая, что огромная и многосоставная масса русскаго крестьянства непременно выскажется за социализмъ и за социализацію земли. Все это будетъ сложнѣе, чѣмъ кажется.

Марксизмъ пережилъ длинный процессъ развитія. Соціалистическое ученіе Маркса и Энгельса впервые сложилось въ революціонной атмосферѣ Европы послѣ революціи 48 года. И въ первый періодъ марксизма, въ дни его молодости, вѣрилось въ возможность близкой соціальной революціи. Марксизмъ совмѣщалъ въ себѣ двѣ стороны: одну—объективно научную, которая говорила о законахъ соціального развитія, о зависимости всякихъ измѣненій въ распредѣленіи и въ осуществленіи соціальной справедливости отъ состоянія производства, другая—субъективно классовая, которая ставила осуществленіе социализма въ зависимость отъ активности самаго рабочаго класса. Эти двѣ стороны марксистскаго социализма нерѣдко впадаютъ въ противорѣчіе. Въ марксизмѣ русскомъ всегда преобладала вторая сторона, первая же сторона отступала на второй

планъ. Русскіе соціало-демократы вѣрили и вѣрятъ въ чудеса, которыя могутъ произойти отъ активности рабочаго класса. На этомъ основана ихъ вѣра въ возможность скорой соціальной революціи. Въ самой же объективной, научной сторонѣ марксизма произошли большія измѣненія, которыя подорвали основы теоріи соціальной революціи. По Марксу катастрофа капиталистическаго общества неотвратимо должна произойти въ силу развитія внутри его противорѣчій, концентрации капиталовъ, перепроизводства и кризисовъ, и прогрессирующаго обнищанія рабочаго класса, отъ котораго растетъ недовольство и классовая рознь. Эти теоріи были построены подъ вліяніемъ первоначальнаго періода капиталистическаго развитія въ Англіи. Но дальнѣйшее развитіе капиталистической промышленности пошло не тѣмъ путемъ, который указывалъ Марксъ, не путемъ развитія противоположностей, нарастанія катастрофы и ухудшенія положенія рабочихъ. Внутри самого капиталистическаго общества начинается смягченіе злыхъ и темныхъ его сторонъ, улучшеніе положенія рабочихъ путемъ ихъ организаци и ихъ планомерной борьбы за улучшеніе своего положенія, предотвращеніе катастрофы путемъ соціальныхъ реформъ, смягчающихъ противорѣчія. Капиталистическая промышленность приспособляется все къ новымъ и новымъ условіямъ своего существованія, она болѣе устойчива и живуча, чѣмъ казалось Марксу. Но природа ея мѣняется. Рабочіе организуются въ союзы и оказываютъ все большее и большее вліяніе на жизнь хозяйственную и жизнь государственную. Гоударство вмѣшивается въ отношенія рабочихъ и капиталистовъ и защищаетъ интересы труда. Происходитъ неухудшеніе, которое должно привести къ соціальной революціи, а улучшеніе т.-е. реформированіе общества, соціальная эволюція. Рабочіе становятся гражданами, они обрѣтаютъ отечество.

IV.

Происходитъ постепенное измѣненіе соціальной ткани, перерожденіе общества, процессъ; который въ фізіологіи называется молекулярнымъ, т.-е. соціальная эволюція, а не революція. Съ одной стороны возрастаетъ производительность труда, которая дѣлаетъ богаче народъ, какъ цѣлое, съ другой стороны измѣняется психика людей, ихъ отношеніе другъ къ другу. Безъ духовнаго измѣненія человѣка, безъ нравственнаго перерожденія, побѣждающаго исключительную власть эгоизма и корыстныхъ интересовъ и устана-

вливающего между людьми возможность единения и братства, ни о каком социализмѣ, ни о каком социальномъ возрожденіи, не можетъ быть и рѣчи. Пока масса рабочихъ и крестьянъ находится во тьмѣ, пока она лишена элементарнаго просвѣщенія и сознательности, пока въ ней не проснулось нравственное и социальное сознание, побѣждающее эгоизмъ и личные интересы, нельзя говорить объ осуществленіи социализма серьезно и съ чувствомъ отвѣтственности. На слишкомъ низкомъ уровнѣ культуры, когда нѣтъ еще духовной самодисциплины и духовнаго закала личности, средняя масса рабочихъ и крестьянъ понимаетъ лозунги социализма лично-корыстно, исключительно въ смыслѣ захвата и присвоенія себѣ добычи. Темная масса воспринимаетъ социализмъ не только не социальнo, но и противосоциальнo. Въ идею социализма входитъ регулирование и организація цѣлаго, борьба съ анархіей и дезорганизаціей въ хозяйственной жизни. Такъ понималъ социализмъ еще основатель его въ древности Платонъ. Но при томъ социальномъ и культурномъ уровнѣ, на которомъ находится сейчасъ въ Россіи большая часть трудящейся народной массы, принудительно державшаяся при старомъ строѣ въ тьмѣ, торжескуетъ не социалистическая идея, направленная на великое цѣлое, а враждебная всякой социальности корысть, частный интересъ, возстаніе части на цѣлое. Во имя корыстныхъ интересовъ не останавливаются передъ разрушеніемъ промышленности, передъ гибелью сельскаго хозяйства. Такъ происходитъ не социальная революція и не социальная эволюція, а дезорганизація хозяйственнаго цѣлаго, разрушеніе и отбрасываніе назадъ. И первая социальная задача, передъ которой стоитъ Россія, есть задача просвѣщенія народа, просвѣщенія умственнаго и нравственнаго, подъема его культуры, духовнаго его возрожденія. Безъ этого не будетъ рѣшенъ и вопросъ о хлѣбѣ насущномъ. Многие изъ того, что сейчасъ происходитъ на Руси и именуется «социальной революціей», прямымъ путемъ ведетъ къ голоду, къ лишенію и того скуднаго хлѣба, который до сихъ поръ былъ у рабочихъ. Если рабочіе и крестьяне не будутъ настолько сознательны и нравственно отвѣтственны, чтобы имѣть всегда въ виду интересы цѣлаго Россіи, которое только и можетъ быть источникомъ ихъ питанія, если часть возстанетъ на цѣлое, то будетъ не улучшение, а ухудшеніе ихъ матеріальнаго положенія.

Общество всегда реформируется и совершенствуется сотрудничествомъ классовъ, а не раздѣленіемъ на двѣ ненавидящія и истребляющія другъ друга части, не гражданской

войной. Одинъ классъ, возставшій на всѣ остальные классы, не можетъ улучшить общества, не можетъ привести къ соціальному братству. Никогда не будетъ и того, о чемъ думалъ Марксъ, т.-е. превращенія большей части человѣчества въ пролетаріатъ. Останутся и другіе классы и подклассы, которыхъ нельзя истребить, которыхъ нельзя изнасиловать. Въ соціальную борьбу неизбѣжно входитъ моментъ нравственный. Идея социализма должна быть не только экономической, но и нравственной идеей. Безъ нравственной основы и сама экономика распадается въ кучу мусора. Этической социализмъ ведетъ къ устраненію возможности насильственной соціальной революціи, всегда основанной на ненависти, на классовомъ интересѣ, не желающемъ знать никакой высшей правды. Это должны прежде всего понять классы имущіе, экономически господствующіе. Не было недостатка въ грозныхъ предупрежденіяхъ. Отъ этихъ классовъ многое зависитъ въ измѣненіи нравственной атмосферы, въ которой происходитъ современная соціальная борьба. Нельзя, конечно, требовать отъ средней массы какого-либо класса слишкомъ высокаго нравственнаго уровня и слишкомъ большихъ жертвъ. Но въ классахъ имущихъ, такъ называемыхъ «буржуазныхъ», можетъ и должно проснуться государственное и нравственное сознание правды социализма, правды не классовой и не матеріалистической, и неизбѣжность социализирующей тенденціи въ промышленной и хозяйственной жизни. Соціальная революція потому только и считается нужной, что не происходитъ соціального улучшенія, развитія, борьбы, съ соціальнымъ зломъ, нарастанія добра и справедливости. Она основано на принципѣ: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Но когда происходитъ творческая соціальная эволюція, когда общество формируется когда, возрастаетъ нравственное единеніе народа и сознание соціального долга, тогда соціальная революція не нужна, паѳосъ соціальной революціи исчезаетъ. Социализмъ перестаетъ быть религіей, онъ дѣлается практической, реальной соціальной политикой, подчиненной высшимъ цѣлямъ. Религіозныя чувства направляются на болѣе достойные и высокіе предметы, на Божество.

V.

Если употреблять слово въ болѣе глубокомъ и сознательномъ смыслѣ, то нужно сказать, что соціальныхъ революцій никогда не было и никогда не будетъ. Возможны лишь политическія революціи. «Соціальная революція» есть

длительный, почти незримый процесс, она может быть лишь изменением отношения человека к природе, т.-е. ростом производительных сил, и изменением отношения человека к человеку, т.-е. ростом нравственной силы. А это и значит, что под «социальной революцией» можно понимать лишь социальную эволюцию. Да и само увеличение «производительной силы человека», его власти над стихийной природой не есть исключительно материальный, экономический процесс, и этот процесс имеет духовную основу, он связан с организованностью и самодисциплиной человеческой воли. Распущенность человека, нравственное разложение в нем ведет к упадку социального творчества. Это может быть и с целым народом. Особенно важно, чтобы русские поняли, что решение социального вопроса прежде всего зависит от социального творчества, от хозяйственного созидания, а не от раздела и разрушения. Если борьба за власть может привести к политической революции, к свержению старой власти и водворению новой, то она никогда не может привести к социальной революции. В огромной, сложной, социально-экономической жизни народов ничто не может быть достигнуто заговорами, восстаниями и бунтами, ничто положительное не может родиться от насилий и захватов. Кровь, пролитая в гражданской войне, в восстании класса на класс, не удобряет землю и не готовит жатву, не приведет ни к каким благам, необходимым для жизни народа, не накормит и не оденет, не спасет от голода и холода. Ненависть и злоба одного класса к другому не приведет к социальному братству, не устранит розни и разделения. А социальный вопрос, есть вопрос о хлебе, одежде и крове, о братстве и единении людей, о такой организации великого дела, при которой не будет обездоленных, не будет угнетенных и голодных и каждый в силах будет развивать свою личность. Нужно как можно больше объяснять, что в жизни социальной все очень сложно и трудно, ничего нельзя решить простыми и крайними лозунгами. Как сложен аграрный вопрос, и как разделятся крестьяне в его решении! Тысячи нитей связывает жизнь социальную с огромной и таинственной жизнью природы и с не менее огромной и таинственной жизнью человеческого духа. Но в самой природе и в самом духе человеческом заложено какое-то зло, которое не так легко преодолеть и победить. Много улучшений произойдет в человеческой жизни, много старого зла отпадет безвозвратно, будет добыт хлеб

насущенный для всего народа, не только материальный, но и духовный хлебъ. Но рай на землѣ не наступитъ. И передъ человѣчествомъ будетъ лежать длинный путь къ высшей жизни. Опыты же социальныхъ революцій могутъ вести лишь къ социальной дезорганизациі, къ разрушенію народнаго хозяйства, къ краху промышленности, отъ котораго прежде всего пострадаютъ рабочіе. И тогда наступитъ не социальный рай, а социальный адъ, съ тяжелой нуждой и враждой, съ кровью и разрушеніемъ, съ реакціями и возвратомъ назадъ. Въ этотъ адъ толкаютъ трудящійся народъ тѣ, которые соблазняютъ его немедленнымъ осуществленіемъ социального рая.

VI.

Россія — страна промышленно отсталая, это достаточно выяснилось во время войны, и въ ней должна еще развиваться капиталистическая промышленность. Но это промышленное развитіе не можетъ просто повторять исторію западныхъ странъ, особенно первый періодъ исторіи капитализма въ Англіи. Россія переходитъ къ болѣе высокой промышленной культурѣ, обогащенная опытомъ другихъ народовъ и въ другое историческое время, когда не можетъ быть уже никакого оправданія для лицемѣрнаго экономического индивидуализма, когда невозможно уже нравственное увлеченіе идеей свободной конкуренціи. У насъ сразу же начинается борьба съ темными и злыми сторонами капитализма и будетъ происходить постепенная социализация, государственное регулированіе хозяйственной жизни. Рабочіе организуются, образуютъ союзы, и внутри самаго капиталистическаго общества будутъ улучшать свое положеніе и увеличивать свое значеніе въ промышленной жизни. Строй фабрикъ изъ самодержавнаго будетъ постепенно дѣлаться конституціоннымъ, не уничтожая личной инициативы. На болѣе высокой ступени развитія промышленности и при большей организованности, сознательности и просвѣщенности рабочей классъ въ состояніи будетъ болѣе непосредственно участвовать въ управленіи промышленностью. Но это есть сложное дѣло социальной эволюціи и социальныхъ реформъ, сотрудничества классовъ, а не социального переворота, въ которомъ одинъ классъ истребляетъ другой. Правду социализму нужно искать въ идеѣ регулированія цѣлаго, сообразованія всѣхъ и всего съ интересами социального организма, т.-е. преодоленія анархіи и социальной вражды, социального эгоизма

въ обществѣ. Соціализація общества и есть большая степень его организованности, большее взаимное притяженіе его частей и его членовъ. На господствѣ личныхъ и классовыхъ интересовъ стоитъ буржуазно-капиталистическое общество. Соціальный идеализмъ долженъ быть побѣдой надъ этимъ господствомъ личныхъ и классовыхъ интересовъ и корысти. Рабочіе обвиняютъ промышленниковъ въ корысти, но если они сами ничего не могутъ противопоставить этой корысти кромѣ собственной же корысти, то къ новой лучшей жизни, къ большей правдѣ они не придутъ. Въ своей частной жизни люди могутъ руководствоваться корыстными интересами по своей слабости и грѣшности. У всѣхъ людей много эгоизма. Но когда въ жизни соціальной соединяются и группируются исключительно по совпадению корыстныхъ интересовъ, то никакой правды и справедливости, никакой болѣе высокой жизни не можетъ отъ этого произойти. Исключительно классовой, матеріалистической соціализмъ подрываетъ самого себя. Лишь соединеніе во имя безкорыстной идеи, во имя правды и истины можетъ вести къ новому, лучшему, болѣе прекрасному обществу. Долженъ народиться новый человѣкъ, новая человѣческая душа. Безъ этого всѣ соціальныя революціи будутъ лишь перемѣной одежды, лишь обманчивымъ измѣненіемъ внѣшности. Рабы должны перестать быть рабами, дѣйствительно сдѣлаться, а не притворяться свободными, не носить лишь костюма свободныхъ, оставаясь въ душѣ рабами, рабами своихъ страстей, своихъ интересовъ, своихъ наклонностей къ насилію, полученныхъ отъ старой жизни. Соціализмъ превращается въ рабство, если не лелѣять въ душѣ человѣческой свободы.

Война вызвала къ жизни совсѣмъ особую форму соціализма,—соціализма военнаго, соціализма государственнаго по преимуществу. Проявленіе этого соціализма мы видимъ каждый день въ карточкахъ на хлѣбъ и сахаръ. Въ Германіи соціализмъ этотъ достигъ особенно высокой степени развитія. Въ его сторону есть движеніе и въ Англии, странѣ питавшей отвращеніе къ государственному вмѣшательству и опекаѣ. Этотъ военный соціализмъ вырабатываетъ навыки государственнаго регулированія и организаціи хозяйственной жизни. И вернуться къ прошлому, къ исключительно частному, индивидуалистическому хозяйствованію народы не захотятъ и не смогутъ. Но этотъ военный соціализмъ не даетъ никакихъ основаній утверждать, что близится соціальная революція. Наоборотъ, онъ дѣлаетъ соціальную революцію еще болѣе ненужной и невозможной. Въ цѣломъ народѣ, въ который входятъ всѣ классы, просыпается здоровое

государственное чувство, которое заставляет лучше организовать хозяйственную жизнь и обезпечить для всѣхъ питаніе. Все это факты, непредусмотрѣнные ученіемъ Маркса и классового социализма. Будущій социальный строй нельзя предвидѣть. Онъ никогда не будетъ такимъ, какимъ представляютъ его себѣ разныя социальныя ученія. Можно только сказать, что въ хозяйственной жизни начинается обнаруживаться тенденція къ социализаціи. Но социализація эта осуществляется сложными путями и многообразными средствами. Кооперативное движеніе будетъ въ этомъ отношеніи имѣть не меньшее значеніе, чѣмъ государственный социализмъ. И то, что принято въ разныхъ ученіяхъ и теоріяхъ называть «социализмомъ», всегда будетъ или слишкомъ преждевременнымъ, или слишкомъ запоздалымъ. «Социалистическая революція» невозможна; пока общество еще недостаточно подготовлено экономически и нравственно, недостаточно реформировано и развито, и социальная революція не нужна, запоздала, когда общество далеко ушло впередъ по пути социальныхъ реформъ, по пути нравственного перерожденія. Высшей формой социалистическаго движенія нужно признать форму англійскую. Англійскій социализмъ и болѣе практическій и болѣе идеалистическій, это—социализмъ экономическій и культурный, а не революціонно-политическій. Революціонно-политическая форма социалистическаго движенія не улучшаетъ положенія рабочихъ, не даетъ хлѣба. вмѣстѣ съ тѣмъ эта форма движенія искажаетъ нравственное сознаніе рабочихъ, держитъ ихъ въ напряженіи злобныхъ и ненавистническихъ чувствъ. И нѣтъ никакихъ оправданій для того, чтобы въ русскомъ социалистическомъ движеніи исключительно господствовала нѣмецкая, социаль-демократическая форма. Социализмъ всегда бываетъ національнымъ. У каждаго народа есть свой собственный социализмъ. Французскій социализмъ не походитъ на англійскій, англійскій не походитъ на нѣмецкій. Социаль-демократія есть исключительно нѣмецкая форма социализма. И если возможенъ русскій социализмъ, согласный съ характеромъ русскаго народа, то онъ долженъ носить нравственный и даже религіозный характеръ. А это значитъ, что социалистическое движеніе должно быть съ одной стороны практически-реформаторскимъ, съ другой стороны идеалистическимъ, подчиненнымъ высшей цѣли, высшей правдѣ.

VII

Классовой, революціонный социализмъ долженъ быть отвергнутъ и съ научной и съ нравственной точки зрѣнія. Онъ

не только не соотвѣтствуетъ дѣйствительности и опровергается ходомъ исторіи, но также находится въ противорѣчій съ нравственной природой человѣческой личности и съ ея религіозными надеждами. Такого рода социализмъ искажаетъ и калѣчитъ душу русскаго народа, насилуетъ его какими-то чуждыми, вывезенными изъ Германіи ученіями. Революціонный социализмъ есть какая-то ложная религія, которой хотять подмѣнить истинную религію для народной души. Народная душа не можетъ жить безъ святыни и вотъ вмѣсто божественной, христіанской святыни, которой эта душа питалась и жила, хотять навязать ей насильственно святыню, въ которой Богъ замѣненъ матеріальнымъ устройствомъ земной жизни, обоготвореніемъ самага пролетаріата, его воли и интереса. Это—религія лести человѣкамъ и народу, религія самообоготворенія. Такой религіей не можетъ жить народъ, ибо всякій народъ, какъ и всякій человѣкъ, можетъ духовно жить лишь святыней, которая выше его самого. Увлеченіе социальной революціей хотеть быть религіознымъ увлеченіемъ. И оно должно быть разоблачено въ своей религіозной лжи и ничтожествѣ, изблечено въ желаніи поработить человѣка мечтой, которая можетъ привести лишь къ рабству и паденію. Полный, цѣльный, и окончательный социализмъ—невозможенъ, онъ есть лишь ложная и порабошающая мечта. Но возможенъ социализмъ частичный, практическій, реформаторскій и этотъ социализмъ долженъ быть согласованъ съ высшей культурой, подчиненъ высшимъ культурнымъ цѣлямъ. Русская революція будетъ имѣть свою социальную сторону, она повлечетъ за собой смѣлыя социальныя реформы. Но о социальной революціи нельзя у насъ говорить серіозно и отвѣтственно. Эти разговоры должны быть разсматриваемы, какъ демагогія, какъ разжиганіе классовыхъ страстей, безъ внутренней вѣры въ то, что это приведетъ къ социалистическому успѣху. Путемъ лжи и лести хотять переманить массу на свою сторону. У наиболѣе искреннихъ социаль-демократовъ и социалистовъ-революціонеровъ есть нездоровая социальная мечтательность, смѣшивающая теоріи съ практикой, матеріальное устройство съ религіозной святыней, этотъ міръ съ другимъ невѣдомымъ міромъ. Но при невысокомъ нравственномъ уровнѣ людей не можетъ быть и совершеннаго общественнаго устройства. Къ совершенному обществу ведетъ любовь, а не ненависть.

Революція въ Россіи совершилась и кончилась. И теперь можетъ быть или положительное созиданіе и устройство новой жизни, или разрушеніе и разложеніе. То что теперь

называютъ продолженіемъ революціи есть лишь разложеніе революціи, которое можетъ привести къ контръ-революціи и новому рабству. Въ этомъ грѣшномъ мірѣ не можетъ быть скачки изъ царства необходимости въ царство свободы, о которомъ говорилъ Марксъ и Энгельсъ. Возрожденіе человѣчества, освобожденіе его отъ рабства у природы, природы внѣшней, и собственной внутренней природы, есть дѣло духовное, а не только матеріальное, не только социальное. Безъ этого духовнаго дѣла, отличнаго отъ всякой социальной революціи, человѣкъ никогда не будетъ свободнымъ. Въ великомъ дѣлѣ освобожденія человѣка свою подчиненную роль сыграетъ и частичный социализмъ. Но социализмъ этотъ для всякаго сознательнаго человѣка, для котораго правда выше всего, долженъ быть социализмомъ нравственнымъ, національнымъ, государственнымъ и культурнымъ, т.-е. долженъ подчинить себя добру и правдѣ, высшимъ благамъ національности, государства, культуры, права и свободы. Русское социалистическое движеніе или сознаетъ себя связаннымъ съ національнымъ и государственнымъ единствомъ Россіи, съ задачами русской культуры, съ нравственнымъ складомъ русской души, или оно разложится и сгниетъ, ничего не давъ трудящемуся народу. Лишь въ связи съ величіемъ самой Россіи можетъ быть рѣшенъ у насъ социальный вопросъ. Социалистическое движеніе будетъ плодотворнымъ и творческимъ, если оно освободится отъ призрака социальной революціи, который на практикѣ, въ жизни, ведетъ лишь къ разложенію.

Складъ изданія: Москва, Б. Дмитровка, д. 13, кв. 18.
Тел. 2-39-96.

899/81

~~ср~~
~~38/03~~

181668